

Достойный феникс теперь был доведен до такого состояния. Было ли это связано с угасанием человечества или с упадком птиц? Гуйфэн не знал, как и Мэн Сяони.

После того как сотрудники Лесного бюро ушли, Гуйфэн долго не мог избавиться от своего подавленного настроения. Мэн Сяони не могла не пролить слезы сочувствия по этому поводу.

Это так трагично, это просто слишком трагично.

Если бы Гуйфэн действительно был фениксом и мог предсказать сегодняшнюю судьбу, стал бы он превращаться в попугая и приходить в эту забегаловку? Будь это Мэн Сяони, она бы определенно отказалась.

Впрочем, дело уже зашло так далеко, да и медицинское обследование закончено. Даже если бы Гуйфэн поднял шум, он ничего не смог бы изменить. Хуже всего было то, что Гуйфэн был слишком горд - одно только медицинское обследование было достаточно неловким, было бы вдвойне неловко поднимать шум после того, как все закончилось.

Он не мог этого сделать.

Мэн Сяони и Гуйфэн оба решили похоронить этот вопрос в своих сердцах и никогда не упоминать об этом открыто.

Конечно, наедине...

Мэн Сяони все еще приходилось связываться с Лесным Бюро и отправлять различные фотографии Гуйфэна и условия его содержания, чтобы сформировать документ для утверждения. Если не будет неожиданных сбоев, они получают одобрение в течение трех рабочих дней.

За время ожидания Мэн Сяони забронировала турпакет для отца и матери Мэн. Она просмотрела множество путеводителей, чтобы пара могла хорошо провести время. Им пора наслаждаться своим уходом на пенсию, так что лучше провести более неторопливую экскурсию.

Отец Мэн и мать Мэн собрали свой багаж и отправились с туристической группой.

Ремонт продолжался внизу, как обычно. Лао Лу каждый день приходил на работу.

Мэн Сяони почему-то показалось довольно странным не видеть рядом с ним Старейшину Лу. Но, очевидно, она не могла задавать Лао Лу вопросы типа «куда ушел старейшина Лу». Она могла только действовать в соответствии с распорядком дня, следить за ходом ремонта, есть и спать.

Различные документы, связанные с Гуйфэном, были доставлены в дом Мэн Сяони в день отъезда ее родителей. Мэн Сяони с радостью повесила разрешение на разведение и карантинный сертификат Гуйфэна на стену, точно так же, как простой взрослый вешает на стену сертификаты о награждении своего ребенка.

Гуйфэн довольно равнодушно посмотрел на эти документы и молча увеличил потребление пищи.

Дни пролетали очень быстро.

Водопровод и электропроводка внизу были закончены, и сейчас они приступили к покраске стен. Лао Лу также выбрал несколько видов дерева и показал Мэн Сяони, чтобы она могла выбрать цвет, который будет использоваться в отделке стен.

Мэн Сяони наконец выбрала разновидность темно-коричневого дерева со свежим ароматом. Она не могла вспомнить его конкретное название, даже прочитав несколько раз, и в конце концов решила сдаться.

Найм рабочих обходился дорого, так что Лао Лу и Мэн Сяони взяли на себя смелость переодеться и присоединиться к команде по покраске стен.

Все тело Мэн Сяони пропахло краской. Гуйфэн с отвращением оставался наверху, совершенно не желая спускаться вниз.

Когда стена была примерно закончена, Лао Лу позвонил по номеру, который был указан в его черновике, позвал талантливого студента-художника.

Студент щеголял двумя косами, одна была его волосами, а другая - бородой. Как только он вошел, он поклонился.

- Привет, учитель Лу, привет, маленький босс.

Мэн Сяони в панике поклонилась в ответ.

- Привет, привет.

Студент выпрямился и засмеялся:

- Вы слишком добры.

Студента звали Чжан Сяосяо. Он был очень богат и происходил из чрезвычайно обеспеченной

семьи. Спросив Лао Лу об ограничениях, он вызвал вертолет, чтобы перевезти все свои инструменты для рисования.

Мэн Сяони впервые узнала, что у Фэнду есть места для посадки вертолета.

Когда Лао Лу увидел Чжана Сяосяо, он официально представил его Мэн Сяони:

- Семья Чжана Сяосяо довольно состоятельна. Его мать - признанный художник. Итак, он с детства изучает различные музыкальные инструменты и живопись. Первоначально он намеревался учиться у друга своих родителей, но, кто знал, что он пойдет не в тот класс и настоит на том, чтобы учиться у моего одноклассника. Вероятно, среди людей, изучающих искусство, всегда бывают такие необузданные бунтари...

Мэн Сяони кивнула.

- Он использует цвета очень смело - яркие, но не кричащие и не резкие. Это редкость, - Лао Лу передал концепцию дизайна Чжану Сяосяо и позволил ему принимать собственные решения.

Лао Лу мог целый час восхвалять Чжана Сяосяо. Но все было по-другому, когда Лао Лу представил Мэн Сяони Чжану Сяосяо.

Он представил ее так:

- Чрезвычайно невинный, обычный и честный человек из средней семьи. Ее единственная уникальная особенность, вероятно, в том, что у нее есть особенно красивый попугай.

Это введение было кратким до такой степени, что казалось невыразительным.

Чжан Сяосяо кивнул, немного любопытствуя:

- Где попугай?

Лао Лу кивнул в сторону верхнего этажа:

- В последние два дня он отказывался спускаться. Возможно, запах внизу слишком сильный.

С этим любопытством по поводу попугая Чжан Сяосяо официально обосновался в Фэнду и начал рисовать на стенах ресторана. Дело было не в том, что он не мог создавать печатные работы, а в том, что в последнее время он стал одержим настенной живописью.

Мэн Сяони было немного любопытно узнать о навыках Чжана Сяосяо в живописи, и она

рассказала об этом Гуйфэну. Услышав об этом, он слегка поднял голову в несколько высокомерной манере:

- Когда речь заходит о подземном мире, этот Чжан Сяосяо не может быть знаком с ним больше, чем я.

Мэн Сяони было немного любопытно:

- На что похож подземный мир?

Гуйфэн помолчал. Это было очень трудно объяснить. Он жил довольно далеко от Адских Дворов, а большинство людей в этом мире думали, что Адские Дворы - это весь подземный мир.

- Подземный мир намного больше, чем ты думаешь, - Гуйфэн задумался над тем, как бы описать это более точно, - В легендах и историях этого мира чаще всего упоминаются десять Дворов Ада. Но в подземном мире десять дворов занимают лишь небольшую площадь на краю семи морей и отвечают за вопросы жизни и смерти на земле.

Мэн Сяони стало еще более любопытно:

- Тогда, на что похожа остальная часть подземного мира?

Гуйфэн посмотрел на Мэн Сяони:

- Тебе не нужно знать. После того, как люди умирают, у них есть достаточно времени, чтобы понять подземный мир.

Мэн Сяони подумала об этом и решила, что это действительно так. Она снова спросила Гуйфэна:

- Тогда ты хочешь спуститься вниз, чтобы посмотреть картину Чжана Сяосяо «Подземный мир»?

Мэн Сяони добавила:

- Краска, используемая Чжаном Сяосяо, имеет очень легкий запах. Я слышала, что маленький тюбик стоит более 600 юаней, а он покупает их бутылками.

Судя по ее словам, внизу рисуют не картины, а, скорее, деньги.

Это чувствовал не только Гуйфэн; Мэн Сяони также считала, что Чжан Сяосяо был

действительно экстравагантен в использовании цвета:

- Я думаю, что эта картина будет самой дорогой вещью в нашем ресторане хого.

Гуйфэн подлетел к голове Мэн Сяони и уселся на нее.

- Самая дорогая вещь в этом ресторане - это я.

Мэн Сяони почувствовала тяжесть на своей голове и подумала, что он действительно «очень» дорогой. Она в замешательстве наклонила голову:

- Гуйфэн, ты не слишком много ешь в последнее время?

Его вес казался намного тяжелее по сравнению с последним медицинским осмотром.

Гуйфэн решительно ответил:

- Я хочу стать человеком.

Он больше не хотел быть птицей, он на самом деле хотел стать человеком.

Мэн Сяони подумала, что Гуйфэн не соответствует своему статусу феникса.

- Но ведь быть фениксом так удивительно. Я никогда не видела другого феникса.

Фениксы, безусловно, более удивительные, чем люди. Но даже фениксы были бы вынуждены пройти медицинское обследование на земле! Гуйфэн испытывал боль:

- Ты не понимаешь.

На самом деле Мэн Сяони понимала это довольно хорошо. Казалось, она все это время наблюдала за переживаниями Гуйфэна со стороны.

Мэн Сяони привела Гуйфэна с собой вниз. Там Чжан Сяосяо, одетый в фартук и платок, держал в руке кисточку и макал ее в банку с краской. Рядом с ним лежал широко развернутый нацарапанный набросок, завернутый в пластиковую пленку.

Лао Лу протягивал ему кисть.

Как только Мэн Сяони спустилась вниз, она увидела, как Чжан Сяосяо быстрыми штрихами нанес на стену ярко-синий цвет. Эта стена уже была оштукатурена несколькими волнистыми и неровными деревянными блоками.

- А краска не попадет на дерево? - Мэн Сяони подошла к Лао Лу и спросила.

Лао Лу просто сказал:

- Мы покрасим дерево позже.

Мэн Сяони наблюдала, как Чжан Сяосяо серьезно рисовал, и у нее в голове крутилась куча вопросов.

Почему он использовал синий цвет? Разве самые распространенные цвета подземного мира не черный, который был уникален для демонов и злых духов, и красный из красных паучьих лилий* и, самое большее, темно-золотой, который можно найти только во Дворах Ада?

Таков был подземный мир в воображении Мэн Сяони. Конечно, она также думала, что это должно быть ярко и привлекательно, но, по ее мнению, этого нужно было достичь с помощью освещения. Чжан Сяосяо, однако, предпочел использовать синий цвет, который был немного темнее небесно-голубого.

Гуйфэн посмотрел на этот оттенок синего.

- Очень красиво.

Этот резкий голос заставил Чжана Сяосяо, который снова окунул кисть в краску, посмотреть в сторону Гуйфэна. Он увидел розового попугая и сразу же поразился:

- Какой действительно красивый попугай.

- Синий цвет, который вы использовали, действительно передал ощущение подземного мира.

Чжан Сяосяо засмеялся и спросил Мэн Сяони:

- Он действительно так свободно говорит. Вы измеряли IQ этого попугая?

Мэн Сяони откровенно ответила:

- Нет.

Чжан Сяосяо кивнул.

- Он может даже превышать показатель среднего человека. Он похвалил меня за то, что моя картина передала ощущение подземного мира, может быть, он даже сможет рисовать в будущем.

Мэн Сяони предложила:

- Давайте сначала продолжим с картиной.

Чжан Сяосяо повернулся и продолжил рисовать.

Много синего было нарисовано крупными, широкими мазками - даже Лао Лу чувствовал, что в этом было что-то странное. Но из-за слов Гуйфэна Мэн Сяони решила, что подземный мир действительно может быть такого оттенка.

В конце концов, никто не захотел бы каждый день оставаться в темной и мрачной обстановке, выполняя свои официальные обязанности. То же самое должно относиться и к различным Королям Ямам.

Чжан Сяосяо закончил использовать большое количество синего, затем внезапно переключился на желтовато-зеленовато-коричневый цвет. Это был тонкий цвет земли, но этот цвет действительно заставлял чувствовать, что он из подземного мира.

Мэн Сяони не могла узнать название этого цвета. У занятых Лао Лу и Чжана Сяосяо не было времени просвещать ее на месте; они просто занимались смешиванием цветов, склонив головы, и рисовали с яростной концентрацией.

Мэн Сяони посмотрела на большие цветные блоки, которые постепенно добавлялись к стене перед ней, и поджала губы. Этот Чжан Сяосяо не был местным жителем, и она боялась, что он не сразу привыкнет к острому горячему горшочку Фэнду. Более того, ей также хотелось сегодня вечером сменить вкус.

- Как звучит горячий горшок с курицей, фаршированной белым перцем, и свиным рубцом*? - спросила Мэн Сяони у Гуйфэна.

Она отвела его немного в сторону, чтобы не мешать живописи Чжан Сяосяо.

- Целая курица, фаршированная в желудке целой свиньи, тушеная, затем нарезанная ломтиками свиная требуха и курица кусочками, - кратко описала Мэн Сяони, вспомнив ингредиенты в их инвентаре, - Кажется, дома есть рыба пасть, я также могу положить ее.

Рыбья паста - это плавательные пузыри рыбы, они вкусны в супе и очень питательны.

Гуйфэн послушал, подумал, что это звучит вкусно, и сразу же согласился:

- Звучит неплохо.

Мэн Сяони весело кивнула:

- Тогда я достану ингредиенты и займу кухню по соседству.

Один человек и одна птица сразу же отправились в путь ради вкусной еды.

* Красные паучьи лилии: многие буддисты используют их, чтобы отпраздновать приход осени церемонией у могилы одного из своих предков. Они сажают их на могилы, потому что это показывает дань уважения умершим. Люди считают, что, поскольку красная паучья лилия в основном ассоциируется со смертью, никогда не следует дарить букет из этих цветов. Поскольку эти алые цветы обычно цветут возле кладбищ в день осеннего равноденствия, в китайских и японских переводах Сутры Лотоса они описываются как зловещие цветы, которые растут в Аду и ведут мертвых в следующую реинкарнацию.

* Горячий горшочек со свиным рубцом, фаршированным курицей с белым перцем: 紅燒蹄膀; он чаще всего существует как суп сам по себе, но также и как основа для горячего горшка, что и намеревается сделать Мэн Сяони. Это блюдо будет описано более подробно в следующей главе!

<http://tl.rulate.ru/book/54677/1525658>